

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

ГЕНИЙ МЕСТА: Н.А. ПРИТВИЦ КАК ЛИЧНОСТЬ И СИМВОЛ СО АН/РАН

GENIUS OF THE PLACE: N.A. PRITVITS AS A PERSONALITY AND SYMBOL OF THE SB AN/RAS

О.А. Донских, главный редактор журнала «Идеи и идеалы», профессор

В журнале «Идеи и идеалы» мы постоянно публикуем материалы, относящиеся к истории науки, и в частности к истории Сибирского отделения РАН. Наталья Алексеевна Притвиц – пресс-секретарь Председателя СО АН/РАН (от М.А. Лаврентьева до Н. А. Добрецова) – относится к тем людям, без которых эту историю невозможно представить. Благодаря Наталье Николаевне Богуненко редакция получила возможность представить читателям материалы, относящиеся к личности Натальи Алексеевны и хронике ее семьи. Мы публикуем в этом номере небольшие статьи проф. С.А. Красильникова и Н.Н. Богуненко о Наталье Алексеевне Притвиц, а на сайте журнала помещаем названные материалы, кото-

рые позволят нашим читателям познакомиться с интереснейшими страницами истории этой незаурядной семьи.

Наталья Алексеевна Притвиц как личность и символ Сибирского отделения

С.А. Красильников, доктор исторических наук, профессор

Наталья Алексеевна относится к разряду тех достаточно редких, но потому и очень примечательных людей, которые словно «растворили» себя в Большом деле, не очень заботясь о своем личном благосостоянии, успехе, признании, присущим громадной части людей, профессионально работающих в науке. Наверное, во многом такая линия жизни определялась сочетанием черт долга, жертвенности, ответственности и солидарности с теми людьми и с тем делом, которому ты служишь. Что-то идет от семейного воспитания, что-то – от профессионального окружения, что-то – от неуловимого духа времени, в котором человек формируется. Во всяком случае, Наталье Алексеевне повезло жить и начать работать в эпоху «оттепели», когда действительно то самое Большое дело становилось не пропагандой, а реальностью, как в случае создания Сибирского отделения Академии наук. Идея «поднятия научной целины» в Сибири становилась осязаемой и достижимой в сравнении, скажем, с идеей «догнать и перегнать» Америку. Наталье Алексеевне повезло с Учителями с большой буквы: академиками Пелагеей Яковлевной Кочиной и затем Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, т. е. было, по Владимиру Маяковскому, «делать жизнь с кого». Близость к большим, значимым личностям таит немалую опасность духовного, интеллектуального, поведенческого подчинения им, но этого, как кажется, Наталье Алексеевне удалось избежать, служа Большому делу и людям, которые его олицетворяли.

Кроме этого, была эпоха настоящей молодежной пассионарности, в которую вписывались если не большинство, то многие из тех, о ком биографически точно выразилась Наталья Алексеевна в своих стихах, ставших затем негласным гимном первопоселенцев «Золотой Долины»: «Кому наука дорога, в столице делать нечего». Наверное, молодежный порыв в соединении с другим советским императивом – «Надо» – и повлиял на ее решение скорректировать свои профессиональные планы. Став кандидатом наук, она решила перейти в другое ремесло, став одним из первых ученым-аналитиком в Сибирском отделении.

Новое громадное начинание своей скоростью и динамикой всегда опережает рефлексию, поэтому в первые годы мало кто задумывался над тем, как профессионально грамотно формировать образ или, как ныне принято говорить, «картину» Сибирского отделения. Были выступления, интервью, статьи отцов-основателей Отделения: Михаила Алексеевича Лаврентьева, Сергея Алексеевича Христиановича, Сергея Львовича Соболева. Однако представительство в информационном событийном простран-

стве требовало особого профессионализма, поскольку в ту (да и последующую) эпоху существовали жесткие рамки формального и содержательного характера, именуемые цензурой, которая неизбежно сопровождалась и самоцензурой известных ученых, говоривших и писавших от имени Сибирского отделения. Тратить на это свои силы отцам-основателям было трудно, да и некогда. Но кто-то должен был взять на себя крайне важную и поначалу недооцененную миссию – быть связующим звеном между наукой и массовыми коммуникациями, чтобы из Сибирского отделения и о нем самом выходила в свет взвешенная, достоверная информация.

Наверное, если бы не было Натальи Алексеевны на этом месте и в это время, то возник бы кто-то иной. Но так случилось, что на этом месте оказалась именно она, и это совпадение стало судьбой для Натальи Алексеевны и громадной удачей для руководства СО АН. Мне трудно однозначно определить ее положение в управленческой иерархии Отделения, потому что здесь одной позицией не отделаться: это не только деятельность пресс-секретаря Председателя СО АН/РАН, но и ученого, рефлексировавшего развитие Сибирского отделения, сопровождавшего эти процессы и отвечавшего за его образ, «картину». Она становилась своего рода летописцем Отделения, самым первым, а затем и основным экспертом в вопросах, связанных с толкованием его возникновения и развития.

На этой почве, историко-событийной, сложилось и протекало наше сотрудничество. В нем были свои «пики», когда возникала необходимость прямого взаимодействия историков с управленческими структурами СО АН/РАН. Здесь и создание в первом приближении музея истории Отделения (1976–1977 гг.), и работа над первыми справочными изданиями к его 25-летию («Хроника» и «Персональный состав», 1982 г.), и выставка, посвященная участию ученых в Великой Отечественной войне (1985 г.). Затем, после долгого перерыва, – работа над двумя юбилейными изданиями, теперь уже к 50-летию Отделения: «Историческим очерком» и «Персональным составом» (2007 г.). Сказать, что лучше Натальи Алексеевны никто не знал историю Отделения – и гласную, официальную, и негласную – значит не сказать ничего. Другое дело, что обладание столь разноплановой информацией неизбежно порождает у ее носителя «сшибку» между двумя знаниями: одно для формирования и поддержки официальной, канонической «картины» Отделения и другое – для понимания реальности, нередко значительно диссонирующей с каноном.

Мне приходилось иногда преодолевать традиционно скептическое отношение естественников к историкам: «Вы, историки, переписываете из архивных документов и из газет сведения, затем их же переписываете в научных публикациях, а где это требуется, то еще работаете с помощью ножниц и клея. Вот ваши три орудия труда – ручка, ножницы, клей». С этим

особенно не поспоришь, ни тогда, ни полвека спустя после этих первых с ней разговоров разве что информационные технологии сделали бессмысленными все три названных выше инструмента. Вопрос в профессиональной этике и репутации ученого: даже высокий профессионализм нивелируется позицией «Чего изволите?».

Полагаю, что к Наталье Алексеевне, которая невольно оказалась в роли и летописца, и историографа, и аналитика Сибирского отделения, сказанное неприменимо. И вот почему. Для нее первичными были сами факты, события, их установление и минимально возможное интерпретирование. Она всегда осознавала то, что оценки исторических фактов слишком близки к политике, неважно, государственной, научной или иной. Фактами она охотно делилась. У нее был громадный объем переработанной и упорядоченной за многие годы работы документации, можно сказать, «параллельный архив Отделения». Насколько я могу судить, для нее наши работы служили тому же общему Большому делу, которому служила она сама. Совершенно бесценными для нас были упорядоченные ею биографические сведения о крупных ученых, членах-корреспондентах и академиках, работавших в Сибирском отделении, которые она также вела и систематизировала многие годы. Тем самым нам удавалось проверять и перепроверять при написании биограмм сведения, которые содержались в досье ученых, хранившихся в Управлении кадров Отделения. Особенно это оказывалось важным в отношении ученых, выехавших по разным причинам за пределы Сибири, но продолжавших работать в составе Отделения.

И здесь надо отметить, что в наших контактах с ней были две «запретные» темы, которые нас ставили, вольно или невольно, в положение оппонентов. К ним следует отнести темы коллизий, противоречий и конфликтов внутри научного сообщества, влиявших на судьбы не только самих ученых, но и институтов и целых научных направлений. То же касалось исторических аспектов формирования, состояния и перспектив дальнейшей трансформации модели Сибирского отделения. Никогда мы не обсуждали с ней коллизии, связанные с «вычеркиванием» из официальной истории Отделения конфликтов между М.А. Лаврентьевым и С.А. Христиановичем, коллизии с И.И. Новиковым, Е.Н. Мешалкиным, В.В. Струминским, Г.И. Будкером и другими директорами и основателями институтов. То, что не вписывалось в официальную историю возникновения и развития Отделения, считалось «необсуждаемым», а следовательно, и как будто несуществовавшим.

Я с годами отошел от тематики истории Сибирского отделения, хотя и продолжал разработку истории региональной науки и ученых: деятельность Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР в Сибири; история возникновения и развития Западносибирского фили-

ала (ЗСФАН) Академии наук и другие аспекты предыстории Отделения. Для меня было очевидным, что при разработке «неканонических» сюжетов истории Отделения мои коллеги-историки сталкивались с определенным неприятием их работ со стороны Натальи Алексеевны. Умолчать об этом было бы неправильно, хотя и преувеличивать этот конфликт интересов не стоит: мои коллеги выпускали статьи и монографии, отстаивая свои позиции, тем более что работы выполнялись на солидной источниковой основе. Это было тем более важно в условиях, когда монополия на «каноническую историю» Отделения после 1991 г. перестала существовать в силу известных причин, в том числе из-за значительно большей открытости архивов для историков и возможности брать интервью, использовать ресурсы устной истории, вносящей свои важные коррективы в понимание феномена Сибирского отделения.

Отмечу те присущие Наталье Алексеевне черты, которые имеют непреходящее и даже символическое значение для всех, кто связан с наукой и журналистикой: ее подвижность, скрупулезность и добросовестность, скромность. Делая крайне много для подготовки выхода в свет воспоминаний М.А. Лаврентьева, публикаций других руководителей Отделения – Г.И. Марчука, В.А. Коптюга, Н.Л. Добрецова, она оставалась «за кадром», равно как и ее верная помощница Ольга Вениаминовна Подойницына. Они в течение многих десятилетий делали почти невидимую для не посвященных, но крайне важную и эффективную работу по научно-информационному сопровождению деятельности Сибирского отделения, за что им наша благодарность и признательность.

* * *

Гений места

Н.Н. Богуненко

Двадцать третьего октября 1963 года наша семья приехала в Академгородок. Тогда о нем писали очень много. Одна из книжек, посвященных «городу Науки», называлась «Да здравствуют Архимеды!». В ней было с десяток новелл, рассказывавших о работе ученых, о жизни в Академгородке. И были в этой книжке несколько имен, проходящих через весь текст. Одно из них звучало так: Наташа Притвиц.

Я прочла книжку залпом – как всё тогда читала, и запомнила это имя. В упомянутой книжке ничего конкретного, в том числе и фотографий, о Наташе Притвиц не было. И я, шестнадцатилетняя, нарисовала в своем воображении портрет этой неизвестной мне, но чудесной героини наших дней. Именно тогда ее имя слилось в моем сознании – а скорее,

в подсознании, – со словом «Академгородок». Снилось, как выяснилось, навсегда.

А увидела я Наталью Алексеевну гораздо позже, в 1985-м, то есть через двадцать с лишним лет.

Не буду излагать здесь историю, что стала поводом для нашего личного знакомства. Скажу только: коллективу самодеятельного театра, от имени которого я взяла смелость выступать, нужна была помощь. Мы ее получили. Со стороны Натальи Алексеевны последовали некие внешне неброские, незаметные, но очень действенные шаги, которые в итоге позволили нам защитить свое имя, если не существование. Потом она никогда не вспоминала вслух об этом эпизоде. А я никогда не забывала – и не забуду – ее по-настоящему доброго и умного участия в нашей непростой истории. Подчеркну: Наталья Алексеевна сама не участвовала в наших перипетиях, но ее отношение к этим довольно бурным событиям мною ощущалось четко. Она была на нашей стороне в целом, но отдельные наши неосторожные и даже глупые шаги не одобряла. Однако строго установленное ею расстояние между непосредственно действующими в нашей истории лицами и ей самой не давало никакого повода как-то использовать ее влияние. И то, что она непосредственно не занималась нашей историей, помогло нам всем сохранить с ней добрые, теплые отношения.

Я упомянула, что всё это происходило в 1985 г. Очень скоро начались по-настоящему переломные времена, и на различных мероприятиях и встречах, которые тогда шли сплошным валом, мы с Натальей Алексеевной могли на ходу или даже на бегу поздороваться и обменяться мнениями о текущем моменте. Более тесных контактов не возникало, но тогда, если честно, было не до того. Однако все тогдашние попытки академического сообщества отстоять свое достоинство неразрывно связывались в моем понимании с Натальей Алексеевной. К сожалению, надо честно признать, что всё чаще мы с ней попадали в оппозицию к очень многим представителям академгородковской общественности.

Тогда же я увидела Наталью Алексеевну в работе. Она делала всё быстро, умело, сноровисто, но спокойно, даже весело. Подходила к делу ответственно, проверяла и перепроверяла написанное не один раз, и при этом в общении с ней сохранялась доброе, дружеское начало, что очень помогало в получении нужного результата.

Это было счастливое, хотя и трудное время.

Потом я долго жила в других краях, однако каждый приезд в Академгородок обязательно встречалась с Натальей Алексеевной у нее дома. Она обладала даром несуетного, теплого, благородного гостеприимства, когда пришедший с визитом попадает в положение скорее хозяина, нежели гостя. В такой обстановке легко и приятно рассказывать – тебя слуша-

ют; вспоминать – твои слова интересны; делиться мыслями и чувствами – они находят живой, душевный отклик. Обстановка в ее доме полностью соответствовала облику хозяйки: была простой и благородной. Взгляд на старинные предметы, расположенные естественно и красиво рядом с обычными книжными шкапами и простыми столами, заставлял вспоминать какие-то неясные сведения о знатном происхождении хозяйки дома. Но они тут же отступали на второй план. Сама Наталья Алексеевна никогда о своих родственниках-дворянах не заговаривала. И никогда не вела себя как «дама света».

Одевалась более чем просто, носила короткую стрижку, не применяла никакой косметики. Но сияние больших голубых глаз и светлая улыбка делали ее необыкновенно привлекательной.

А время продолжало бежать, лететь, свистеть, требовало больших усилий, чтобы просто удержаться в привычных рамках существования. И все тонкие нюансы – к ним, конечно, относятся и сведения из прошлого – тоже откладывались «на потом». Это «потом» наступило в 2014 г., когда я вернулась в Академгородок. Жизнь моя тогда очень изменилась, и легкой ее назвать было нельзя. Наталья Алексеевна каким-то образом почувствовала это и окружила меня вместе с Замирой Мирзовой Ибрагимовой таким теплым, душевным вниманием, выказала такую добрую поддержку, что довольно быстро я отложила свои переживания в сторону и втянулась в деятельную жизнь, кипевшую вокруг Натальи Алексеевны. Мы часто виделись, обсуждали разные острые темы, готовили какие-то материалы для разных изданий. Иногда мы встречались на противоположных курсах: я бежала в Институт гидродинамики, где работала над его историей (вышла в свет в 2017 г.), а Наталья Алексеевна уже возвращалась из Президиума, куда регулярно ходила по каким-то важным для нее вопросам. Мы радостно бросались друг к другу, обнимались и разбегались, обещая скоро встретиться.

Тогда и речи не шло о работе над историей семьи Притвиц в России. А между тем именно период этой работы стал для меня самым насыщенным, самым важным в нашем общении. Мне трудно писать о нашей работе с Натальей Алексеевной. Приходится вести рассказ в прошедшем времени, а это кажется невозможным. Наталья Алексеевна словно принадлежала к тем благодетельным явлениям жизни, которые будут вечно, как воздух, солнце, река, лес. И ее уход всё еще воспринимается катастрофой. Но главное дело ее последних лет она успела завершить. Это книга об истории ее семьи.

Мы начали работать непосредственно над текстом 18 апреля 2017 г. В моих бумагах сохранилась запись нашей первой беседы с Натальей Алексеевной о ее детстве, о родителях. Но обсуждалась тема книги гораздо раньше, и до этого я уже просматривала документы из архива семьи Притвиц. Они все были аккуратно и точно разложены Натальей Алексеевной

по разделам: отец, мама, бабушка, дедушка и другие предки, история ссылки и реабилитации семьи. Прикасаясь к этим листочкам, нельзя было не ощутить, какие незаурядные события и люди стояли за их скупыми строчками. Скоро мне стало казаться, что я знакома не только с родителями Натальи Алексеевны (а я никогда их не видела), но и со всеми другими ее родственниками. К лету 2017 г. у меня появилась уверенность, что я смогу рассказать об этих давно ушедших замечательных людях. Я была убеждена, что такая работа необходима, потому что память о наших предках, достойно проживших свои очень трудные жизни, должна быть сохранена в последующих поколениях. Такое простое убеждение, но оно было истинным мотивом моих усилий по составлению книги.

К зиме 2018 г. у меня вчерне были готовы все разделы книги. Мы с Натальей Алексеевной начали их редактировать. Я крупно распечатывала текст, приносила его и читала ей вслух. Она вносила свои замечания и поправки, которые я к следующему своему приходу (обычно через неделю) переносила в текст, и мы вновь его читали. Крупно распечатанные страницы оставались у Натальи Алексеевны – она старалась сама просмотреть их, надеясь исправить то, что ускользнуло от ее внимания при чтении. С этими поправками мы разбирались или по телефону, или при очередной встрече. Понятно, что быстро мы продвигаться не могли. Но зато Наталья Алексеевна не так сильно переживала, что мы «всё перепутали». Эта перспектива – ошибиться, не учесть, дать неправильную ссылку – очень пугала ее. Поэтому, в частности, мы более десяти раз переделывали текст первого раздела ее воспоминаний. Остальные главы избежали этой судьбы, потому что при их написании я работала строго по документам, и поправки Натальи Алексеевны относились к моим вставкам, не столь многочисленным.

Часто после чтения и обсуждений Наталья Алексеевна предлагала выпить чаю. В ее простой, скромно обставленной кухне было очень уютно. Мы сидели за большим столом, накрытым старенькой клеенкой, пили чай с нехитрым, но вкусным угощением и разговаривали. Обсуждали сегодняшние темы и вспоминали прошлое, ведь мы обе давно жили в Академгородке. Меня всегда радовало совпадение наших позиций по жизненно важным вопросам. Восхищала доброжелательность Натальи Алексеевны – она ни о ком не говорила дурного слова, ее знания и светлый оптимизм. Не легкомысленный, ее многое огорчало и тревожило. Но она не впадала в мрачность, умела найти основание для добрых надежд, и это настроение передавала другим. Такой собеседник сейчас – большая редкость. Наталью Алексеевну с ее добротой и умением понимать не заменит никто. В общении людей есть секреты, которые позволяют совмещать тесную близость с независимостью. Это бывает очень редко, но Наталья Алексеевна владела этими секретами.

В нашей работе регулярно возникали перерывы, так как дом Притвиц в Академгородке был чрезвычайно гостеприимным, а при подготовке к появлению очередных визитеров все бумаги, книги, заметки и прочий рабочий материал убирался подальше, и Наталье Алексеевне требовалось время, чтобы всё необходимое вернуть на место. Она была всегда очень бодро настроена и никогда не жаловалась, но, видимо, эти нагрузки становились для нее уже тяжелы, и перерывы между встречами увеличивались. Наконец наступил момент – это было в начале июня 2018 г., когда мы совсем перестали работать над книгой. Я почти не бывала у Натальи Алексеевны – то лето у меня самой выдалось напряженным, а к Наталье Алексеевне приехала ее любимая двоюродная сестра.

Когда подступила осень, я уже начала раздумывать, как бы мне поделикатнее выяснить у своего соавтора, будет ли продолжена наша работа. Но Наталья Алексеевна в сентябре позвонила сама и строго спросила, думаю ли я что-нибудь о нашей книге? Это был счастливый момент. Мы снова стали встречаться, и дело теперь шло быстрее. Наталья Алексеевна более явно выражала желание скорее закончить работу, она хотела послать ее прежде всего своим немецким родственникам. Строили мы планы и относительно русского издания. Наталья Алексеевна рассказывала мне, какой она видит обложку, какой следует дать эпиграф – это были слова ее любимой бабушки, которая их часто повторяла: *tout passé, tout reste* (в пер. с фр. «всё проходит, всё остается»).

Название мы выбрали такое: «Русская ветвь». Тираж Наталья Алексеевна хотела самый скромный – двадцать экземпляров. Я убеждала ее, что нужно, по крайней мере, полсотни – такой интерес у меня самой вызвал материал, над которым мне выпала удача работать. Но затем мы отложили эти проекты, сосредоточились на варианте для Притвицев в Германии и закончили его в январе 2019 г., несмотря на новогодние праздники, которые всегда у Натальи Алексеевны отнимали много времени и сил. Мы даже смогли отобрать фотографии и согласовать подписи к ним (их делала я и зачитывала вслух Наталье Алексеевне, потому что она почти не видела изображения). Отобрали и документы, которые следовало отсканировать. Остались нерассмотренными в этом плане лишь те, которые относились к разделу «След длиной в десятилетия». И вдруг Наталья Алексеевна в очередной мой приход протянула мне всю папку с документами по этому разделу и сказала:

– Выбери сама, что сочтешь нужным, я уже не могу этого решить.

Я услышала тихий, но отчетливый сигнал о том, что ей совсем тяжела стала наша работа. Однако постаралась отогнать мрачное ощущение и тут же, развернув папку, начала показывать Наталье Алексеевне, какие документы я бы выбрала. Она сказала:

– Вот и хорошо, так и сделай.

С 1 февраля 2019 г. установились сильнейшие морозы, ниже -40° . Мы договорились, что я в эти холодные дни не приду. Дело было не только в том, что я сама стала плохо выдерживать такие температуры, но и в моем песике. У меня есть скотчтерьер Бася, который очень нравился Наталье Алексеевне. Она всегда любила собак, но в последние годы уже не могла их держать. Поэтому радовалась всякой встрече с любой собакой. Стала одним из благодетелей нашего местного приюта для бездомных животных. Я всегда приходила к ней со своим Басей. Это была для неё большая радость – поговорить, поиграть с ним, покормить его. А накануне наступающих морозов Наталья Алексеевна сказала мне, что в холодные дни приходиться не надо: Бася по дороге может замерзнуть. И мы не приходили. Только я всё время звонила Наталье Алексеевне: как дела? Она отвечала, что ждет тепла.

И вот морозы стали спадать. Утром 7 февраля (это был четверг) я позвонила Наталье Алексеевне, чтобы договориться на пятницу о встрече (мы обычно встречались в пятницу или в среду). Все сканы уже были готовы, осталось просто еще раз просмотреть вместе наш материал.

Но мне ответила не Наталья Алексеевна и не ее подруга Замира. Какая-то незнакомая женщина после паузы ответила:

– Сейчас...

Я услышала чьи-то голоса, какой-то шум... Мир вокруг меня потемнел. Всё стало понятно. В это нельзя было поверить, но это было правдой: Натальи Алексеевны больше не было с нами.

Прошло уже больше года с тех дней, а мне всё кажется: я вижу Наталью Алексеевну на тропинке в наших перелесках. Ее светлая куртка мелькает среди деревьев, взмах руки и улыбка приветствуют меня. Я бросаюсь в ту сторону – никого.

Академгородок опустел без нее. Она была в числе тех немногих, кто создал неповторимую и теперь почти совсем исчезнувшую ауру, окружавшую этот небольшой фрагмент огромного мира в течение шестидесяти лет.

* * *

Анонс

Мы с удовольствием анонсируем вышедшую недавно в издательстве СО РАН книгу о Наталье Алексеевне:

Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний / сост. В.Д. Ермаков; отв. ред. академик РАН В.И. Молодин. – Новосибирск: СО РАН, 2020 г., 520 с.

Наталья Алексеевна Притвиц (29.05.1931 – 07.02.2019) – кандидат технических наук, инженер-гидротехник, член Союза журналистов СССР с 1973 г., «всенепременный» пресс-секретарь Сибирского отделения АН СССР – РАН, первый историограф Академгородка. Н. А. Притвиц относилась к породе трудоголиков и за годы работы в аппарате Президиума СО РАН успела сделать многое. Десятки созданных ею книг, альбомов и других изданий о науке стоят на полках ученых, студентов, учителей; научно-популярные фильмы, снятые по ее сценарию, раз за разом повторяются в программах регионального и центрального телевидения. Она продолжала работать до последних часов своей жизни.

Обаятельная женщина, Наталья Алексеевна удивительным образом сочетала в себе, казалось бы, трудно совмещаемое: доброжелательный профессионализм, скромное достоинство породистой интеллигентности, всеобъемлющее чувство советского товарищества и пионерский задор абorigенов-шестидесятников. Эти качества в сочетании с ярким писательским талантом наглядно выразились во всех ее опубликованных работах: дневниках, стихах, писанных по разному поводу и в разное время, в биографических портретах ученых, собственных воспоминаниях и даже в рецензиях и регулярных обзорах новостей научной жизни и многих других ее публикациях.

Составители взяли на себя смелость поместить в этой книге часть опубликованных трудов Н. А. Притвиц, а также некоторые рукописные материалы из ее личного архива. Издание вызовет большой интерес у многочисленных друзей Н. А. Притвиц и широкого круга ученых, работавших и работающих на территории Сибири и далеко за ее пределами.

